

УДК 340.15
DOI 10.52452/19931778_2021_6_70

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В 1920-х гг.: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2021 г.

Н.И. Биюшкина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

asya_biyushkina1@list.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021

Политические события, происходящие в настоящее время на территории бывших советских социалистических республик, обуславливают систематическое внесение поправок в действующее уголовное законодательство. Нарастающая политическая нестабильность, рост преступности также способствуют ужесточению норм в области уголовного права. Указанные тенденции актуализируют обращение к историческому опыту развития советского уголовного законодательства. Цель статьи заключается в изучении процесса формирования и развития уголовного законодательства советских социалистических республик. В процессе работы над исследованием использовались сравнительно-правовой анализ, исторический и формально-юридический методы, метод толкования правовых норм.

В результате проведения сравнительно-правового анализа уголовных кодексов РСФСР и других союзных республик удалось выявить общие и особенные положения, свойственные изучаемым источникам советского уголовного права в исследуемый период времени.

Выводы. Дискуссионными вопросами при разработке и принятии УК РСФСР 1922 г. являлись принцип аналогии, понятие преступления и его признаков и состава, определение контрреволюционного преступления. В результате сравнительно-правового анализа уголовных кодексов РСФСР и других союзных республик было установлено, что присутствовала рецепция основных положений, принципов и понятий, что образует тождественный понятийно-категориальный аппарат, свойственный всем советским уголовным кодексам изучаемого периода. Вместе с тем уголовные кодексы ряда союзных республик отличались определенным своеобразием. В качестве источников уголовного права применялись такие правовые обычаи, как адаты, а также нормы шариата. Учитывалась социокультурная специфика народов, составлявших социальную основу союзных субъектов советской федерации.

Ключевые слова: уголовное право, классовый подход, принцип аналогии, преступление, объект преступления, субъект преступления, объективная сторона преступления, субъективная сторона преступления, советские социалистические республики.

Введение

В настоящее время в Российском государстве активно ведется деятельность по усовершенствованию уголовного законодательства, направленная на упрочение принципов законности, гуманизма и индивидуализации мер уголовной ответственности, соблюдение установленных принципов международного уголовного права. Кроме того, в современный период, как справедливо отмечают исследователи А.С. Теунаев и А.М. Черкасова, «...наблюдается рост числа преступлений против собственности... Взамен традиционным преступлениям рассматриваемой группы (кражи, грабежи, разбой) ...приходят новые, высокотехнологичные преступления...» [1]. Об этом убедительно свидетельствует дискуссия, развернувшаяся в научных и политических кругах. В этой связи современный автор Н.С. Кудин пишет: «...деятельность по развитию и совершенство-

ванию уголовного законодательства устанавливается как одно из направлений функционирования государства – его основополагающий вектор в сфере борьбы с преступностью... В настоящий момент уголовному законодательству отдается отдельное внимание, так как оно непосредственно влияет на состояние и показатели преступности в нашей стране, а также предоставляет спрогнозировать дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, с целью снижения совершения преступных деяний, в общем. Состояние преступности в России нуждается в непрерывном внимании граждан и государственных органов...» [2]. Разрешению проблем развития современного уголовного права в Российской Федерации призван способствовать значительный и небезуспешный опыт законодательной регламентации форм, методов и средств борьбы с преступностью, накопленный нашим государством в советский период.

Методология

В процессе работы над исследованием использовались сравнительно-правовой анализ, исторический метод, формально-юридический метод, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение

Принятию УК РСФСР 1922 г. предшествовала кропотливая законопроектная работа. В июне 1920 г. вопрос о разработке уголовного кодекса был вынесен на рассмотрение III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. Острейшие дебаты развернулись вокруг понятия преступления (должно оно быть формальным либо материальным), об аналогии (нужна она или нет), об условном осуждении, основаниях уголовной ответственности и многих других вопросах. Так, по вопросу об аналогии советский государственный деятель Н.В. Крыленко отмечал, что «...аналогия – отступление от принципа законности, путь к судебному произволу, «взрыв» Особенной части УК...» [3, с. 63]. Иной позиции придерживался российский революционер, деятель советских органов государственной безопасности М.И. Лацис. Он подчеркивал, что «...аналогия нужна, так как четыре года Советской власти, особенно с учетом спешки принятия УК, – срок слишком малый для правильного прогноза возможных форм преступлений при отсутствии исторических аналогов социалистического УК...» [4, с. 37].

Предметом дискуссий деятелей советской юстиции стало определение понятия «контрреволюционное преступление». В письме к наркому юстиции Д.И. Курскому от 17 мая 1922 г. В.И. Ленин представил несколько вариантов формулирования понятия «контрреволюционное преступление». Он отмечал: «...т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса...» [5, с. 89]. К письму прилагались два варианта дополнительного параграфа. В первом варианте указывалось, что «...пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или вы-

сылкой за границу...» [5, с. 90]. Текст второго варианта включал в себя две части: в первой (пункт «а») под контрреволюционным преступлением понимались «...пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу...» [5, с. 90]. Во второй части (пункт «б») под контрреволюционным преступлением понималось «...участие в организации, или содействие организациям, действующие в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу...» [5, с. 91]. Следовательно, во втором варианте статьи о контрреволюционных преступлениях, предложенном В.И. Лениным, отсутствует упоминание о пропаганде и агитации как видах контрреволюционной деятельности. Интересно отметить, что в УК РСФСР 1922 г. вошла первая ленинская формулировка, не предусматривающая пропаганду и агитацию. В то же время в связи с введением принципа аналогии в УК РСФСР 1922 г. пропаганда и агитация вполне могли быть вменены в вину лицам, осужденным по ст. 57 УК РСФСР 1922 г. В этой связи логичным представляется завершение этой статьи фразой «...и т. п. средствами» [6], которая убедительно доказывает факт допустимости аналогии закона в данный период времени.

Приведенная дискуссия нашла отражение в разработке проектов уголовного кодекса, рассмотрением которых занималась специальная комиссия при СНК РСФСР в марте 1922 г., внесшая в окончательный проект УК свыше ста поправок. В состав комиссии входили В.И. Ленин, осуществлявший руководство ее деятельностью, а также представители народного комиссариата труда В.В. Шмидт, народного комиссариата продовольствия Н.П. Брюханов и народного комиссариата финансов Г.Я. Сокольников. Об обстановке работы над проектом УК можно судить по письму народного комиссара

юстиции Д.И. Курского от 23 февраля 1922 г. В.И. Ленину, который отмечал: «...обращаю Ваше внимание также и на ту, поистине египетскую работу, которую, как, например, в области уголовного права, самостоятельно (без прецедентов и активного участия спецов) пришлось проделать за последние 2–3 месяца, когда приходилось заваленным канцелярской работой членам комиссии работать над законодательством буквально ночами...» [7, с. 189]. УК РСФСР вступил в силу 1 июня 1922 г. и составил правовую основу для принятия кодифицированного уголовного законодательства союзных республик.

Разработка уголовных кодексов в субъектах СССР началась после принятия Конституции РСФСР 1924 г. [8]. Властью был издан ряд общесоюзных уголовных законов, которые действовали и на территории советских республик: Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. [9]; Положение о воинских преступлениях 1924 г. (принятое затем в новой редакции в 1927 г.) [10]; УК РСФСР 1926 г. [11]; Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) 1927 г. [12].

Уголовный кодекс УССР был принят только в 1927 г. [13]. Факторами, способствующими подготовке УК УССР 1927 г., стали свертывание основных направлений политики нэпа, переход к командно-административной системе управления, которая сопровождалась ужесточением действующего, в том числе уголовного, законодательства. Кроме того, как справедливо полагает исследователь Б.В. Киндюк, «...другим фактором, способствующим подготовке УК УССР 1927 г., стало принятие 27 февраля 1927 г. Постановления ЦИК СССР «Об изменениях основных принципов уголовного законодательства СССР и союзных республик», согласно которому в содержание республиканских уголовных кодексов должны войти положения ряда нормативно-правовых актов, направленных на усиление ответственности за целый ряд преступлений. Это касалось государственных преступлений, преступлений против порядка управления, контрреволюционных преступлений, антисоветской пропаганды и агитации. ...» [14, с. 170]. Характерной особенностью УК УССР 1927 г., по мнению исследователя, являлось «...несистематическое изложение материалов ... в отношении статей, связанных с охраной природы и имущественными отношениями. Важным показателем «степени жесткости» нормативно-правового акта является количество статей, предусматривающих меру нака-

зания в виде расстрела. В УК УССР 1927 г. данная санкция использовалась под названием «...высшая мера социальной защиты», хотя в некоторые статьи вошел термин «расстрел» ...» [14, с. 172]. В целом, стоит отметить, что юридическая техника УК УССР 1927 г. была несовершенна. Большая часть статей, содержащих нормы, устанавливающие меры социальной защиты за преступную деятельность, не входила в содержание одного раздела. Так, например, как отмечает Б.В. Киндюк, «...статьи, предусматривающие наказание за преступление против собственности, располагались в четырех главах кодифицированного акта. В Главе II «Преступления против порядка управления» находились ст. 82 «Нарушение законов и правил по охране лесов», ст. 83 «Незаконная вырубка леса», в Главе III «Служебные преступления», в ст. 97 «Злоупотребление властью», в ст. 98 «Превышение власти», в ст. 99 «Бездействие власти», в ст. 100 «Злоупотребление властью и халатное отношение», в ст. 104 «Присвоение или растрата должностным лицом ценностей или имущества», в Главу V «Преступления хозяйственные» вошли ст. 116 «Бесхозяйственность», ст. 117 «Заключение сделок на невыгодных условиях». В Главе VII «Имущественные преступления» – ст. 170 «Тайное похищение чужого имущества», ст. 171 «Кража коней, волов или другого крупного скота», ст. 173 «Открытое похищение», ст. 174 «Разбой», ст. 181 «Злостное банкротство» ...» [14, с. 172]. В то же время в УК РСФСР 1926 г. все виды преступлений были систематизированы (гл. 1 «Контрреволюционные преступления», гл. 2 «Преступления против порядка управления» и др.). В 43 статьях УК УССР 1927 г. (например, ст. 97 «Злоупотребление властью», ст. 98 «Превышение власти» и др.) предусматривалось использование высшей меры наказания.

Тожественным образом развивалось уголовное законодательство на территории БССР. В 1922 г. законодательные органы БССР заимствовали нормативно-правовые акты РСФСР в области уголовного права, внося в них некоторые поправки с учетом местных условий. Так, с 1 июля 1922 г. ЦИК БССР ввел в действие на территории республики УК РСФСР 1922 г. В 1924 г. он стал официально называться УК БССР 1924 г. Как подчеркивает исследователь Д.А. Илло, «...за совершение контрреволюционных действий, бандитизм и других особо опасных преступлений предусматривалась высшая мера наказания – расстрел. Кодекс состоял из 2-х частей: общей и особенной. Все преступления делились на две категории: направленные против основ нового порядка; все осталь-

ные. Первая категория воспринималась как наиболее тяжкие преступления...» [15, с. 44].

УК РСФСР 1922 г. имел важное значение не только для развития уголовного законодательства союзных республик, но и для становления данной отрасли законодательства некоторых иных государств, прилегающих к территории СССР и впоследствии вошедших в его состав. Так, исследователь У.А. Азизов отмечает, что «...источником уголовного права, действовавшим на территории исторического Таджикистана в первые годы Советской власти, был Уголовный кодекс 1922 г., который был принят постановлением II сессии ВЦИК 10 созыва 24 мая 1922 г. На территории Туркестанской АССР вышеназванный кодекс имел непосредственное действие. Согласно Конституции Бухарской Народной Республики, на территории республики действовало уголовное законодательство РСФСР с изменениями и дополнениями, внесенными применительно к бытовым особенностям БНР. Постановлением ЦИК БНР от 21 июня 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие на территории Бухарской Республики...» [16, с. 132]. Однако в северных районах Таджикской ССР наравне с советским уголовным правом продолжали действовать нормы шариата. Профессор М.Д. Шаргородский подчеркивал, что «...законодательное закрепление это положение получило в приказе № 97 НКЮ Туркестанской Республики от 2 августа 1919 г. Согласно данному приказу, народный суд при разбирательстве возникших между мусульманами споров не только мог, но и обязан был использовать и ссылаться как на источники права и справедливости...», так и на «...соответствующий смысл и дух норм шариата и адата, не противоречащих пролетарскому правосознанию и декретам рабоче-крестьянского правительства...» [17, с. 42].

Совершенствовались и уголовное законодательство РСФСР; так, 22 ноября 1926 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс. Этому способствовало внесение неоднократных изменений и дополнений в УК РСФСР 1922 г., в том числе меняющаяся политическая обстановка внутри государства. Как справедливо отмечает современный исследователь А.И. Калашникова, УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. стали «... итогом весьма кропотливой и сложной работы ученых и практиков. Многие его положения были настолько удачно сформулированы, что остаются практически неизменными поныне. УК РСФСР 1926 г. вобрал не только взгляды коммунистов на уголовную репрессию; время показало глубину и точность разработок многих содержащихся в нем норм и институтов, что дает

основание для утверждения о преемственности положений, заложенных в первом российском уголовном кодексе, а в целом еще раньше – в до-революционном уголовном праве...» [18, с. 3–4].

Одной из важнейших проблем в развитии советского уголовного права является определение понятия «преступление». В доктрине уголовного права встречаются различные точки зрения относительно данного понятия. Так, в ст. ст. 5 и 6 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. под преступлением понималось «...нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом... Преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)...» [19]. Таким образом, основополагающим критерием отграничения преступления от правомерного деяния являлась общественная опасность. По мнению исследователей Е.В. Епифановой и Ю.В. Недилько, «...прогресс, по сравнению с раннеревolutionным подходом, состоял в том, что преступное деяние должно было отвечать признаку противоправности, т.е. быть закрепленным в нормах права, что по сравнению с концом 1917 – 1918 гг. означало шаг вперед в укреплении законности...» [20, с. 11]. Вместе с тем советский правовед А.Я. Эстрин отмечал, что, несмотря на преемственность УК РСФСР 1922 г. «Руководящим началам по уголовному праву РСФСР» 1919 г. [19] «...Уголовный кодекс РСФСР преступление определяет несколько иначе...» [21, с. 5]. Так, в ст. 6 УК РСФСР 1922 г. подчеркивалось, что «...преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени...» [6]. То есть, сохранив материальную направленность преступления, государство в понятии «преступление» не дает указания на его уголовную противоправность. Этому способствовало присутствие аналогии закона, отмеченное в рамках ст. 10 УК РСФСР 1922 г.: «...в случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего кодекса» [6].

Аналогично понятие «преступление» было представлено в УК РСФСР 1926 г. Так, под по-

нятием «преступление» признавалось действие или бездействие, опасное не для системы социальных благ (общественных отношений), а для советского строя и правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период. Таким образом, категория общественной опасности была представлена иначе, чем понимается в настоящее время, и, по сути, не соответствовала своему названию. Интересы и ценности личности не рассматривались в качестве самостоятельного и тем более высшего блага.

Примечательно, что уголовные кодексы советских социалистических республик характеризовали преступление как общественно опасное деяние. В ст. 4 УК БССР, принятом 23 сентября 1928 г., отмечалось, что «...общественно-опасным деянием (преступлением) признается всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период...» [22]. В ст. 4 УК УССР 1927 г. подчеркивалось, что под понятием преступления понимается «...преступное действие или бездействие, которое угрожает советскому строю или нарушает правовой порядок, установленный властью рабочих и крестьян на переходный до коммунистического строя период времени...» [13].

В настоящее время не теряют своей актуальности вопросы исследования субъекта преступления. Отметим, что «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г. не только давали понимание сущности преступного деяния, но и устанавливали взаимосвязь его с субъектом преступления. Так, из анализа ст. 6 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. мы можем сделать вывод о том, что субъектом преступления выступали лица, совершившие «...действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений...» [19]. В целом субъект преступления характеризовался законодателем как лицо, посягающее на установившиеся социалистические общественные отношения (ст. 7).

В УК РСФСР 1922 г. законодателем вводились понятия «общественно опасный элемент» и «социально опасный элемент». Под общественно опасным элементом в УК РСФСР 1922 г. понималось лицо, деяние которого представляло или могло представлять угрозу общественным отношениям и правопорядку, установленным на переходный от капиталистического к коммунистическому строю период времени. Понятие «социально опасный элемент» в УК РСФСР 1922 г. было дано в ст. 48, согласно которой социально опасным элементом признава-

лись «...лица, осужденные судом и признанные им социально опасными, вследствие систематических злоупотреблений при занятии своей профессией или промыслом, или при исполнении должности» [6]. Характеризуя понятие «общественно опасный элемент», в кодексе подчеркивается, что согласно ст. 7 «...опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку...» [6]. Обращают внимание термины «вредных» и «серьезной», которые носят во многом субъективный характер, а помноженные на социалистическое правосознание судьи и народных заседателей данные характеристики могли существенно усилить степень репрессивности приговора суда.

Обстоятельства и свойства, перечисленные в кодексе, нельзя назвать исчерпывающими, поскольку необходимо учитывать классовый подход в советском социалистическом государстве и праве, господствующий в данный период времени. Роль и значение классового подхода носили основополагающий характер в управлении общественными отношениями и их регулировании, поэтому с уверенностью можно определить классовый подход как принцип советского права, согласно которому любое лицо не пролетарского происхождения могло быть объявлено общественно опасным элементом и подвергнуто репрессии как в судебном, так и административном порядке. Так, ст. 49 УК РСФСР 1922 г. устанавливала санкции по отношению к социально опасным элементам: «...лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет...» [6]. Таким образом, понятие «общественно опасный элемент» и «социально опасный элемент» отождествлялись и в совокупности представляли собой обобщенную характеристику субъекта преступления, которым могло оказаться любое лицо, по отношению к которому суд и административные органы, руководствуясь социалистическим правосознанием, классовым подходом и принципом аналогии закона, могли применить широкий спектр мер социальной защиты, предусмотренный данным кодексом.

Понятие «общественно опасный элемент» нашло отражение и в уголовных кодексах советских социалистических республик. Так, в ст. 12 УК БССР отмечалось, что «...меры социальной защиты не применяются, если суд признает, что данное деяние, формально подпада-

ющее под признаки той или иной статьи настоящего Кодекса, не имеет общественно-опасного характера по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий или что лицо, совершившее данное деяние, не является общественно-опасным...» [22]. Аналогичное положение содержалось и в ст. 7 УК УССР 1927 г., где подчеркивалось, что «...судебно-исправительные меры социальной защиты не применяются, если суд признает, что данное деяние не имеет общественно-опасного характера по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий или что лицо, совершившее данное деяние, не является общественно-опасным...» [13].

Примечательно, что в УК РСФСР 1926 г. отсутствует прямое указание на понятия общественно опасного и социально опасного элемента. Только в ст. 7 УК РСФСР 1926 г. подчеркивалось, что «...в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера...» [11]. Тождественные положения содержались и в уголовных кодексах советских социалистических республик. В ст. 8 УК БССР 1928 г. было указано, что «...к лицам, совершившим общественно-опасные деяния (преступления) или являющимся опасными по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера...» [22].

Другой не менее важной проблемой является вопрос определения возраста наступления уголовной ответственности. В соответствии со ст. 13 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. субъектом преступления признавалось «... лицо, достигшее возраста 14 лет...» [19]. К лицам в возрасте до 14 лет могли применяться только меры воспитательного характера.

В УК РСФСР 1922 г. возраст наступления уголовной ответственности определялся ст. 18. Вместе с тем законодатель подчеркивал, что «...наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия...» [6]. В этой связи советский правовед Г.В. Швеков отмечал, что «...субъектом преступления по законодательству первых лет Советской власти являлись прежде всего классово-враждебные и антисоветски настроенные элементы, а также разложившиеся элементы старого общества. Именно

эта социально-политическая характеристика ... обуславливает определение возраста наступления уголовной ответственности...» [23, с. 69]. Таким образом, автор полагал, что характеристики субъекта преступления не могут быть в полной мере отнесены к несовершеннолетним правонарушителям.

Аналогично возраст наступления уголовной ответственности был определен в текстах УК РСФСР 1926 г. и уголовных кодексах советских социалистических республик. Однако в ст. 12 УК РСФСР 1926 г. отмечалось, что «...несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания...» [11]. Тождественные положения содержались в ст. 14 УК БССР 1928 г.: «...меры уголовного наказания не применяются к несовершеннолетним до 12 лет. К несовершеннолетним от 12 до 16 лет меры уголовного наказания применяются только по преступлениям, указанным в ст. 15 настоящего Кодекса...» [22]. Также в ст. 11 УК УССР 1927 г. отмечалось, что «...судебно-исправительные меры социальной защиты не могут быть применены к несовершеннолетним до 14 лет...» [13].

Следующей важной проблемой являлось определение понятия невменяемости. В «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. данному вопросу посвящалась ст. 14: «...Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и меры предосторожности...» [19]. Подчеркнем, что данное определение невменяемости легло в основу тождественных норм в последующем уголовном законодательстве.

В ст. 17 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что «...не подлежат наказанию лица, совершившие общественно опасные деяния как в состоянии хронической душевной болезни, так и временного расстройства душевной деятельности, когда эти лица не могли давать себе отчета в своих действиях» [6]. К этим лицам предусматривалось применение мер медицинского характера. В ст. 11 УК РСФСР 1926 г. подчеркивалось, что «...меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших пре-

ступления в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью...» [11]. Кроме того, в ст. 13 УК БССР 1928 г. акцентировалось внимание на том, что «...меры социальной защиты судебно-исправительного характера не применяются к лицам, совершившим преступление в состоянии хронической психической болезни или временного расстройства психической деятельности либо в таком болезненном состоянии, когда они не могли понимать своих действий или руководить ими, а также к лицам, которые совершили преступление, будучи психически здоровыми, но до вынесения приговора психически заболели. К этим лицам применяются лишь меры социальной защиты медицинского характера...» [22]. В ст. 10 УК УССР 1927 г. подчеркивалось, что «...судебно-исправительные меры социальной защиты не могут быть применены к лицам, совершившим преступные деяния в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства психики...» [13]. Отсюда следует, что понятие «невменяемость» в кодексах РСФСР и других союзных республик тождественно, соответственно и меры социальной защиты, предусмотренные в отношении лиц, признанных невменяемыми, также носят идентичный характер.

Несомненно, важной проблемой в советском уголовном праве являлось определение вины субъекта преступления. Примечательно, что понятие «вина» не нашло отражение ни в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г., ни в уголовных кодексах РСФСР и других союзных республик. Однако законодатель закрепил ее формы – умысел и неосторожность. В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. подчеркивалось, что «...наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступления, или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели, хотя и должны были их предвидеть...» [6]. В этой связи профессор кафедры уголовного права и процесса Харьковского юридического института М.М. Гродзинский справедливо отмечал, что, указывая формы вины, УК РСФСР 1922 г. «...нисколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принци-

ального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля...» [24, с. 585]. Аналогично понятие вины определялось в рамках УК РСФСР 1926 г. и уголовных кодексах советских социалистических республик. В ст. 8 УК БССР 1928 г. подчеркивалось, что «...меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются только к лицам, которые: а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасные последствия своих деяний, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, либо, б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих деяний, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предупредить эти последствия...» [22]. В ст. 9 УК УССР 1927 г. отмечалось, что «...судебно-исправительные меры социальной защиты применяются только тогда, когда лица, совершившие общественно-опасные деяния: а) действовали умышленно... б) действовали небрежно, то есть не предвидели последствий своего деяния...» [13]. Соглашаясь с мнением современных исследователей А.И. Чучаева, Ю.В. Грачевой и С.В. Маликова, согласно которому «...отсутствие упоминания в тексте УК РСФСР вины оценивалось учеными по-разному. Одни считали это проявлением влияния социологической школы, другие – принципиального разрыва с буржуазным уголовным правом...» [25, с. 112], отметим, что популярность социологической школы права в исследуемый период времени в советской юридической мысли отразилась на формулировках ряда понятий, определяющих содержание уголовных кодексов РСФСР и других союзных республик. Так, в понятии «преступление» доминирующей характеристикой выступает общественная опасность деяния и посягательство на общественные отношения, сложившиеся в переходный от капиталистического к коммунистическому период времени. В определении понятия «субъект преступления» решающую роль играет представление об общественно опасном элементе, что также указывает на влияние социологической школы права, которое испытывали разработчики и создатели советского уголовного законодательства.

Не менее актуальной в исследуемый период времени является проблема определения субъективной стороны преступления. В «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. отсутствуют прямые указания на признаки субъективной стороны преступления – виновность и наказуемость. Только в ст. 10 акцентируется внимание на том, что «...при выборе наказания следует иметь в виду, что пре-

ступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий...» [19].

Отсутствовали признаки субъективной стороны преступления и в УК РСФСР 1922 г. Но, несмотря на отсутствие в понятии преступления явных признаков его субъективной стороны, в УК РСФСР 1922 г. указывалось, что привлечь лицо к уголовной ответственности можно только при наличии вины. В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. представлена развернутая характеристика форм вины – прямой и косвенный умысел, а также неосторожность (небрежность и легкомыслие). Аналогичные положения были представлены в УК РСФСР 1926 г. В ст. 10 подчеркивалось, что «...в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т.-е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, т.-е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия...» [6]. Стоит отметить, что данная норма дублировалась и в ст. 9 УК БССР 1928 г.: «...меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются только к лицам, которые: а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасные последствия своих деяний, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, либо, б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих деяний, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предупредить эти последствия...» [22]. В ст. 9 УК УССР 1927 г. отмечалось, что «...судебно-исправительные меры социальной защиты применяются только тогда, когда лица, совершившие общественно-опасные действия: а) действовали умышленно... б) действовали небрежно, то есть не предвидели последствий своего деяния...» [13].

Очередной проблемой в развитии советского уголовного права является определение объекта преступного деяния. Подчеркнем, что в соответствии со ст. 2 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. [19] объектом преступления выступают общественные отношения, охраняемые уголовным правом. Форму-

лировки, обозначенные в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г., подверглись дальнейшей разработке и были конкретизированы в более поздних законодательных актах. Как справедливо отмечал профессор Б.С. Никифоров, «...Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 5 устанавливал чрезвычайно важное положение, что уголовное законодательство РСФСР «...имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений... и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям наказания...» [26, с. 37]. В соответствии с указанной формулировкой объектом преступления являлись социалистические общественные отношения. Этот вывод подтверждается и положением ст. 6 УК РСФСР 1922 г.: «...преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени...» [6]. Из содержания ст. 6 УК РСФСР 1922 г. следует, что объектом преступления выступают советский строй и правопорядок, установленные на переходный от капитализма к коммунизму период времени, которые обобщено можно определить как социалистические общественные отношения.

Тожественная формулировка была присуща и ст. 6 УК РСФСР 1926 г., устанавливающей, что «...общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени...» [11]. Советский строй и правопорядок как объекты преступления были указаны и в ст. 4 УК БССР 1928 г.: «...общественно-опасным деянием (преступлением) признается всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период...» [22]. Указанные выше положения дублировались и в ст. 4 УК УССР 1927 г., где в определении понятия преступления по сути формулируется его объект – советский строй или правопорядок. Подчеркивалось, что под понятием преступления понимается «...преступное действие или бездействие, что угрожает советскому строю или нарушает правовой порядок, установленный властью рабочих и крестьян на переходный до коммунистического строя период времени...» [13].

Аналогичной трактовки объекта преступления как общественных отношений, охраняемых советским уголовным законом, придерживались

и представители советской науки уголовного права. Так, советский ученый-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии А.А. Пионтковский подчеркивал, что, «...исходя из общего марксистско-ленинского учения о преступлении, объектом всякого преступного деяния следует считать общественные отношения, охраняемые всем аппаратом уголовно-правового принуждения...» [27, с. 95]. С позицией А.А. Пионтковского солидаризировался профессор, член-корреспондент АН СССР А.Н. Трайнин, отмечая, что «...объектом посягательства ... являются охраняемые законом общественные отношения ... Как раз им, этим отношениям, преступлением причиняется определенный вред, они умаляются, ущемляются, деформируются...» [28, с. 57].

Одной из дискуссионных проблем в уголовном праве изучаемого периода являлось определение объективной стороны состава преступления. В «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. элементы объективной стороны преступления определены в ст. ст. 5 и 6. К ним относились «... действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений...» (ст. 6). Последствиями совершения преступного деяния являлось «...нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом...» (ст. 5).

В УК РСФСР 1922 г. элементами объективной стороны состава преступления являлись «...общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени...» (ст. 6). К последствиям стоит отнести «...совершение действий, вредных для общества... деятельность, свидетельствующая о серьезной угрозе общественному правопорядку...» (ст. 7).

Отметим, что аналогичные положения сохранились в ст. 6 УК РСФСР 1926 г., а также уголовных кодексах других союзных республик. Так, в ст. 6 УК РСФСР 1926 г. подчеркивалось, что «...общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени...». В ст. 4 УК БССР акцентировалось внимание на том, что «...общественно-опасным деянием (преступлением) признается всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период...» [22]. Тождественное поло-

жение содержалось в ст. 4 УК УССР 1927 г.: «...преступное действие или бездействие, что угрожает советскому строю или нарушает правовой порядок, установленный властью рабочих и крестьян на переходный до коммунистического строя период времени...» [13].

Обобщая сложившуюся законодательную практику, профессор А.Н. Трайнин отмечал, что «...к объективной стороне состава преступления следует отнести общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, причинную связь и обстоятельства, характеризующие время, место и способ совершения преступления...» [28, с. 89]. Вместе с тем профессор В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что «...в объективную сторону преступления входят лишь внешний аспект деяния, производимые им изменения в окружающей действительности, включая причинение ущерба охраняемым законом социалистическим общественным отношениям, а способ, место и обстановка совершения преступления не являются самостоятельными элементами объективной стороны, так как они только характеризуют деяние (действие или бездействие) преступника...» [29, с. 11].

Выводы

Резюмируя вышесказанное, отметим, что при разработке и принятии уголовного законодательства РСФСР развернулась дискуссия среди работников советской юстиции и руководителей Советского государства, прежде всего о включении принципа аналогии в уголовный кодекс. Сторонникам данного основополагающего начала удалось добиться внедрения аналогии в УК РСФСР 1922 г., которая действовала до принятия Закона СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [30].

Не менее важным предметом полемики стало определение понятия преступления, а также такого вида преступления, как контрреволюционное, действующего в советском уголовном законодательстве до 1958 г. Возобладала точка зрения, согласно которой общественная опасность деяния и субъекта, его совершившего, являлась основополагающим признаком, своеобразным маркером, по которому правоприменитель, осуществляя правосудие, руководствуясь социалистическим правосознанием, обладал правом объявить практически любое деяние контрреволюционным преступлением, а лицо, его совершившее или по связи с преступной средой данной местности, или в связи с непролетарским происхождением, или за ранее совершенное преступление, признать обществен-

но опасным элементом и подвергнуть уголовной репрессии. Аналогичные формулировки были характерны для уголовных кодексов других союзных республик.

При формулировании элементов состава преступления также наметилась устойчивая тенденция рецепирования основных положений УК РСФСР 1922 г. в уголовных кодексах других союзных республик. Необходимо отметить, что при отождествлении понятийно-категориального аппарата в уголовных кодексах РСФСР и других союзных республик предусматривались и определенные особенности, связанные с национальными правовыми и социокультурными обычаями и традициями народов, населяющих СССР, определяющих колорит его союзных республик.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43043. Тема «Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление».

Список литературы

1. Теунаев А.С., Черкасова А.М. COVID-19 и преступность в России // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35175 (дата обращения: 11.09.2021).
2. Кудин Н.С. Уголовное законодательство Российской Федерации на современном этапе // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021222> (дата обращения: 11.09.2021).
3. Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. М.: Красная новь, 1924. 184 с.
4. Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Гос. изд-во, 1921. 62 с.
5. Письмо В.И. Ленина Д.И. Курскому. 17 мая 1922 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Март 1922 г. – март 1923 г. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. 762 с.
6. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Письмо Д.И. Курского В.И. Ленину по поводу Уголовного кодекса РСФСР. 23 февраля 1922 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Июнь 1921 г. – февраль 1922 г. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. 725 с.
8. Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 г. «Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.
9. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
10. Постановление ВЦИК СССР от 31.10.1924 г. «Положение о воинских преступлениях» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 207.
11. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
12. Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.
13. Уголовный кодекс УССР 1927 г. Киев: Держполитвидав, 1950. 168 с.
14. Киндюк Б.В. Основные количественные показатели Уголовного кодекса Украинской ССР 1927 г. // Новая наука: гипотезы, взгляды и факты: Сборник научных трудов / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. Казань, 2017. С. 169–173.
15. Илло Д.А. Концептуальные идеи Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4 (67). С. 44–46.
16. Азизов У.А. Формирование советского уголовного права и особенности развития институтов преступления и наказания в Таджикистане (1917–1924 гг.) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2015. № 3 (6). С. 130–138.
17. Шаргородский М.Д. Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. 1941. № 4. С. 41–47.
18. Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: Автореф. дис. ... к-та юрид. н. Казань: КФУ, 2009. 34 с.
19. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
20. Епифанова Е.В., Недилько Ю.В. Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес в законе. 2015. № 1. С. 10–14.
21. Эстрин А.Я. Уголовный кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 23. С. 4–7.
22. Уголовный кодекс БССР от 23 сентября 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
23. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс: Учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. М.: Высш. школа, 1970. 207 с.
24. Гродзинский М.М. Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17. С. 583–588.
25. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.
26. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 232 с.

27. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Изд-во юрид. лит-ры, 1961. 667 с.

28. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1951. 388 с.

29. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

30. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

CRIMINAL LEGISLATION OF THE SOVIET SOCIALIST REPUBLICS IN THE 1920s: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

N.I. Biyushkina

Relevance. Political events currently taking place on the territory of the former Soviet socialist republics determine systematic amendments to the current criminal legislation. The growing political instability, the growth of crime also contribute to the tightening of norms in the field of criminal law. These tendencies actualize the appeal to the historical experience of the development of Soviet criminal legislation.

Target. The purpose of the article is to study the process of formation and development of the criminal legislation of the Soviet socialist republics.

Methods. In the process of working on the study, the authors used comparative legal analysis, the historical method, the formal legal method, and the method of interpreting legal norms.

Results. As a result of a comparative legal analysis of the criminal codes of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and other union republics, it was possible to identify general and special provisions inherent in the studied sources of Soviet criminal law in the period under study.

Conclusions. Discussion issues during the development and adoption of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1922 were the principle of analogy, the concept of a crime and its signs and components, the definition of a counter-revolutionary crime. As a result of a comparative legal analysis of the criminal codes of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and other union republics, it was established that there was a reception of the main provisions, principles and concepts, which forms an identical conceptual and categorical apparatus characteristic of all Soviet criminal codes of the period under study. At the same time, the criminal codes of a number of Union republics were distinguished by a certain originality. Legal customs such as adats and Sharia norms were used as sources of criminal law. The socio-cultural specifics of the peoples who constituted the social basis of the union subjects of the Soviet federation were taken into account.

Keywords: criminal law, class approach, principle of analogy, crime, object of crime, subject of crime, objective side of crime, subjective side of crime, Soviet socialist republics.

References

1. Teunaev A.S., Cherkasova A.M. COVID-19 and crime in Russia // Police and investigative activities. 2021. № 1. [Electronic resource]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35175 (Date of access: 09.11.2021).

2. Kudin N.S. Criminal legislation of the Russian Federation at the present stage // Materials of the XII International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». [Electronic resource]. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021222> (Date of access: 09.11.2021).

3. Krylenko N.V. Conversations about law and state. M.: Krasnaya Nov', 1924. 184 p.

4. Latsis M.I. Extraordinary commissions for the fight against counterrevolution. M.: State. publishing house, 1921. 62 p.

5. Letter to V.I. Lenin D.I. Kurskiy. May 17, 1922 // Lenin V.I. Complete Works. March 1922 – March 1923. V. 45. M.: Political Literature Publishing House, 1970. 762 p.

6. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06/01/1922 «On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR» (together with the «Criminal Code of the RSFSR») // Collection of laws and regulations RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.

7. Letter from D.I. Kurskiy V.I. Lenin on the Criminal Code of the RSFSR. February 23, 1922 // Lenin V.I.

Complete Works. June 1921 – February 1922. V. 44. M.: Political Literature Publishing House, 1970. 725 p.

8. Resolution of the II Congress of Soviets of the USSR dated January 31, 1924 «On the approval of the Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics» // Bulletin of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars and Labor and Defense Council USSR. 1924. № 2. Art. 24.

9. The basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics (approved by the Decree of the Central Executive Committee of the USSR dated October 31, 1924) // CL USSR. 1924. № 24. Art. 205.

10. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the USSR dated October 31, 1924, «Regulations on military crimes» // CL USSR. 1924. № 24. Art. 207.

11. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 «On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR edition of 1926» (together with the «Criminal Code of the RSFSR») // Collection of laws and regulations RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.

12. Decree of the Central Executive Committee of the USSR dated 02.25.1927 «Regulations on state crimes (counter-revolutionary and especially for the USSR dangerous crimes against the order of government)» // CL USSR. 1927. № 12. Art. 123.

13. Criminal Code of the Ukrainian SSR 1927. Kiev: Derzhpolitvidav, 1950. 168 p.
14. Kindyuk B.V. The main quantitative indicators of the Criminal Code of the Ukrainian SSR in 1927 // *New Science: hypotheses, views and facts: Collection of scientific papers*. Under the general editorship of S.V. Kuzmin. Kazan: 2017. P. 169–173.
15. Illo D.A. Conceptual Ideas of the Basic Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics of 1924 // *Man: Crime and Punishment*. 2009. № 4 (67). P. 44–46.
16. Azizov U.A. The formation of Soviet criminal law and the development of the institutions of crime and punishment in Tajikistan (1917–1924) // *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series*. 2015. № 3 (6). P. 130–138.
17. Shargorodsky M.D. Subject and system of criminal law // *Soviet state and law*. 1941. № 4. P. 41–47.
18. Kalashnikova A.I. The Criminal Code of the RSFSR of 1926: conceptual foundations and general characteristics: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Kazan: KFU, 2009. 34 p.
19. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 12.12.1919 «Guidelines on criminal law of the RSFSR» // *Collection of laws and regulations of the RSFSR*. 1919. № 66. Art. 590.
20. Epifanova E.V., Nedilko Yu.V. The concept of crime through the prism of interpretation of criminal law // *Business in law*. 2015. № 1. S. 10–14.
21. Estrin A.Ya. The Criminal Code and «Guidelines for Criminal Law of the RSFSR» // *Soviet Justice Weekly*. 1922. № 23. P. 4–7.
22. The Criminal Code of the BSSR dated September 23, 1928 [Electronic resource]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (Date of access: 15.09.2021).
23. Shvekov G.V. The first Soviet criminal code: Textbook for law institutes and faculties. M.: Higher school, 1970. 207 p.
24. Grodzinsky M.M. New Criminal Code of the Ukrainian SSR. General part // *Bulletin of Soviet justice*. 1927. № 17. P. 583–588.
25. Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Guiding principles on criminal law: background development, prototype of the general part of the first Criminal Code of the RSFSR, significance (to the 100th anniversary of adoption) // *Union of Criminalists and Criminologists*. 2020. № 2. P. 106–121.
26. Nikiforov B.S. Object of a crime under Soviet criminal law. M.: Gosyurizdat, 1960. 232 p.
27. Piontkovsky A.A. The doctrine of a crime under Soviet criminal law. M.: Publishing House of legal literature, 1961. 667 p.
28. Trainin A.N. Corpus delicti under Soviet criminal law. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1951. 388 p.
29. Kudryavtsev V.N. The objective side of the crime. M.: Gosyurizdat, 1960. 244 p.
30. Law of the USSR of 25.12.1958 «On the approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics» // *Bulletin of the USSR Armed Forces*. 1958. № 1. Art. 6.